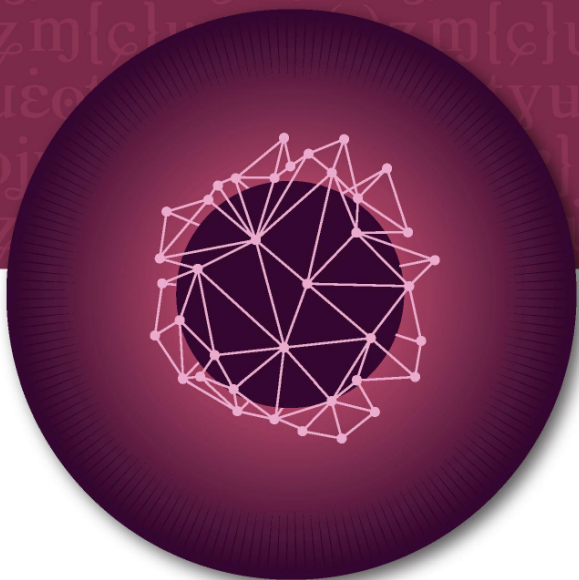

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

Е.Н. Елина

Л.И. Кузнецова

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ
УЧЕБНОГО ФРЕЙМОВОГО СЛОВАРЯ

**Анастасия Владимировна Колмогорова
Александр Петрович Сковородников
Галина Анатольевна Копнина
Ада Александровна Бернацкая
Ирина Владимировна Евсеева
Борис Яхиевич Шарифуллин**

**Лингвистика информационно-
психологической
войны. Книга 1**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40129394

*Лингвистика информационно-психологической войны Книга I:
ISBN 978-5-7638-3688-2, 978-5-7638-3739-1*

Аннотация

Книга посвящена обоснованию лингвистики информационно-психологической войны как научного направления в рамках политической лингвистики, связанного с изучением языка и речевых технологий информационно-психологического противоборства. Показана актуальность, обозначены предметное поле, междисциплинарные основания и проблематика этого направления, его основной терминологический аппарат.

Особое внимание уделяется необходимости поиска критериев для квалификации текстов как принадлежащих дискурсу информационно-психологической войны, стилевым и жанровым предпочтениям ее акторов. Предназначена прежде всего для людей, профессионально интересующихся проблемами информационно-психологических войн, но будет полезна для широкого круга читателей, поскольку способствует пониманию тех опасностей, которые влечет за собой развернутая против России информационно-психологическая война, и осознанию необходимости противостоять ей.

Содержание

Предисловие	5
Раздел I	8
Глава 1. Лингвистика ИПВ: Определение, ключевые понятия и термины	8
1.1. Информационно-психологическая война и ее релевантные признаки	8
1.2. Лингвистика ИПВ: обоснование и определение понятия	21
1.3. Ключевые понятия и термины лингвистики ИПВ	32
Глава 2. Научные основания лингвистики ИВП	38
2.1. Философские основания лингвистики ИПВ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	64

**А.А. Бернацкая, И.В.
Евсеева , А.В. Колмогорова**

**Лингвистика
информационно-
психологической
войны Книга I**

Предисловие

Российское общество начинает осознавать, что оно живет не просто в ситуации враждебного отношения Запада к русскому государству, Русскому миру и русской цивилизации, а в состоянии ведущейся против нашей страны информационно-психологической войны, авторы которой находятся не только за ее пределами. К людям постепенно приходит понимание большой опасности, получающее отражение во многих публикациях самого разного рода, например: «Сгусток воздействий, направленный сегодня на Россию, гораздо более сильный и изощренный, чем тот, что разрушил Советский Союз. И опасность разрушения России сегодня не

меньшая, а может, и большая, чем была в конце восьмидесятых годов. Этот сгусток стремится истребить в сознании российского гражданина положительное представление о Родине, ее истории, ее суверенном пути, ее исторических деятелях, элитах, ее вождях. И как только в сознании российского человека положительный образ Родины будет заменен образом отрицательным, он отшатнется от своей страны. И страна рухнет.

Поэтому сегодня, наряду с военными лабораториями, где ученые, инженеры разрабатывают новые системы ракет и ядерных зарядов, необходимо создание современно оснащенных лабораторий по изготовлению интеллектуального оружия. Оружия, способного отражать интеллектуальные удары противника» (Завтра. 2016. № 20).

Разделяя мысли цитированного текста, мы полагаем, что в дело интеллектуального сопротивления развязанной против России информационной войны должны внести вклад филологи, прежде всего лингвисты. Такой вклад актуален еще и потому, что до сих пор отечественными специалистами разрабатывались главным образом технико-кибернетические аспекты теории и технологии информационной войны, а их психолого-смысловая и собственно языковая стороны оказались недостаточно исследованными. Между тем существует мнение, что, помимо технических форм информационной борьбы, первостепенное значение приобретает «война смыслов», а следовательно, необходима «нейтрали-

зация информационно-психологического воздействия», направленного на разрушение патриотического сознания и национальных традиций нашего народа.

Руководствуясь вышеизложенным, небольшая группа преподавателей Сибирского федерального университета решила предложить вниманию заинтересованных читателей осуществленное на основе обобщения специальной литературы и личных наблюдений над текстами, содержащими признаки информационно-психологической войны, свое понимание лингвистического аспекта теории и технологии этой войны. Это понимание предстает как **лингвистика информационно-психологической войны** – дисциплина, изучающая и систематизирующая основные терминопонятия, междисциплинарные связи, коммуникативные стратегии и тактики, лингвистический инструментарий этого социально-политического феномена. В книге представлены также наблюдения и обобщения по некоторым частным аспектам информационно-психологической войны, касающимся ряда социально значимых мишеней, технологии их дискредитации, и типологии текстов ее распространения.

Авторы отдают себе отчет в том, что первое приближение к новой для них области функционирования языка не может претендовать на полноту охвата проблематики и глубину ее представленности. Они надеются на то, что апробация их первого опыта даст возможность сделать следующие штудии более совершенными.

Раздел I

Общетеоретические проблемы и научные основания лингвистики информационно-психологической войны (лингвистики ИПВ)

Глава 1. Лингвистика ИПВ: Определение, ключевые понятия и термины

1.1. Информационно-психологическая война и ее релевантные признаки

Внимание общества и ученых к информационным войнам в современной геополитической ситуации неслучайно, поскольку войны такого типа не менее опасны, чем вооруженные столкновения: их результатом может быть нанесение непоправимого ущерба объекту воздействия (стране, народу, группе лиц и т.д.) вплоть до его полного уничтожения. В результате применяемых в информационной войне пси-

хотехнологий «мы лишаемся возможности принимать взвешенные, логически обоснованные решения, а значит, теряем свободу воли», а «вся наша жизнь, включая поведение, желания, эмоции и даже здоровье, оказывается под чужим контролем» [Ткаченко 2011: 6].

На опасность информационной войны обращают внимание не только специалисты, но и граждане страны, не ведущие научных разработок. Приведем несколько примеров:

- «Русский народ, как правило, побеждал своих врагов не превосходством в вооружении, а силой духа. Поэтому важно осознать, что борьба за души людей не менее важна, чем мощные вооруженные силы. <...> Информационная война на сегодняшний день, пожалуй, самое страшное испытание. А во владении ее оружием соперники превосходят нас многократно» (О. Розанов, предприниматель // Завтра. 2013. № 21);

- «А тем временем Запад продолжает совершенствование хорошо проверенного и не раз испытанного организационного оружия. Оно характеризуется применением метода дезорганизации государства, нарушения системы управления территориями, вооруженными силами, войсками. Оружие известно издревле, но никогда прежде оно не было столь эффективным и не становилось главным рычагом воздействия на обозначенного противника» (Л. Ивашов, генерал-полковник // Завтра. 2012. № 41);

- «России объявлена информационная война, пятая ко-

лонна тут как тут, а наше изрядно «заболоченное» ТВ к этой войне абсолютно не готово» (А. Кондрашов, журналист // Литературная газета. 2012. № 34).

Информационная война изучается специалистами в разных аспектах (приведем для примера по одному источнику по преобладающей точке зрения их авторов – в силу междисциплинарности объекта исследования): *историко-политическом* [Беляев 2014], *политологическом* [Губарев 2005], *философском* [Расторгуев 2003], *социально-экономическом* [Цыганов, Бухарин 2007]; *военно-стратегическом* [Брусницын 2001], *журналистском* [Волковский 2003], *научно-техническом* [Коровин 2014], *психологическом* [Сенявская 1999], *методологическом* [Бухарин, Цыганов 2007], в аспекте *коммуникативистики* [Почепцов 2000б, 2015]. Исследователи отмечают недостаточную изученность механизмов и систем управления информационным противоборством, неразработанность проблемы информационной безопасности общества [Бухарин, Цыганов 2007: 9; Брусницын 2001: 10 и др.].

В современной научной литературе широко используются термины «информационное противоборство», «информационное противостояние», «информационная борьба», «информационная война», причем в некоторых работах они синонимизируются. Не рассматривая историю возникновения и проблему соотношения этих терминов, чему посвящена многочисленная литература, мы делаем выбор в пользу тер-

мина «информационная война» в силу следующих соображений. В семантической структуре терминопонятия «война» актуализирована сема «нападения с целью победы», в отличие от «противоборства» и «противостояния». Понятие информационной войны отражает современную политическую обстановку, в которой Россия является объектом информационного нападения с целью ее подчинения с возможным последующим уничтожением. Кроме того, оно ассоциируется с опасностью, недостаточность осознания которой – одна из причин того, что Россия уже проигрывала информационные войны.

Отмечается многогранность понятия «информационная война» и предлагаются различные его определения. Вот некоторые из них:

- «...открытые и скрытые целенаправленные информационные воздействия систем друг на друга с целью получения определенного выигрыша в материальной сфере» [Операции... 2015: 68];

- «...противоборство между двумя или более государствами в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным и другим структурам, подрыва политической, экономической и социальной систем, массовой психологической обработки населения для дестабилизации общества и государства, а также принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей

стороны» [Конвенция... 2011];

- «...планомерное информационное воздействие на всю инокоммуникационную систему противника и нейтральные государства с целью формирования благоприятной глобальной информационной среды для проведения любых политических и геополитических операций, обеспечивающих максимальный контроль над пространством» [Василенко 2010: 153];

- «...целостная стратегия, направленная на достижение гуманитарного порабощения одних групп людей другими, основанная на неявном манипулировании информацией и сознанием, включающая определенные методы и пользующаяся определенными средствами, среди которых ведущую роль играют электронные СМИ, функционирующие в глобальном безграничном информационном пространстве» [Михальченко 1998];

- «...совокупность психологических и информационных воздействий, направленных на изменение общественного сознания, с целью получения материальной или политической выгоды» [Ермакова 2012].

«Одно из определений информационной войны, данное представителем Пентагона, – пишет Л.В. Воронцова и Д.Б. Фролов, – гласит: “Информационная война состоит из действий, предпринимаемых для достижения информационного превосходства в обеспечении национальной военной стратегии путем воздействия на информацию и информацион-

ные системы противника с одновременным укреплением и защитой нашей собственной информации и информационных систем”» [Воронцова, Фролов 2006: 60].

В приведенных выше определениях информационной войны используются разные родовые понятия (воздействие, противоборство, стратегия); указываются различные субъекты информационной войны («системы», государства, группы людей) или они вообще не обозначаются; объявляются ее разные цели.

Многие исследователи не приводят дефиниции термина «информационная война», содержащей указание на родовое понятие и видовые отличия (основное требование к логической дефиниции см. [Берков и др. 2000: 97; Горский и др. 1991: 130]), а используют определения, в которых обозначается лишь часть существенных, отличительных свойств дефинируемого понятия, например: «Информационная война – это, прежде всего, нашествие определенных идей, которые разрушают национальное самосознание целого народа» [Ткаченко 2011: 9]; «Информационная война – это прежде всего управление информационными потоками в своих целях, управление явное и тайное, для достижения определенных результатов» [Панарин 2010: 12].

В многообразии определений информационной войны можно выделить следующие инвариантные признаки этого понятия:

- наличие противоборства (противостояния);

- осуществление сторонами действий с целью нанесения ущерба противнику и – как следствие – получения материальной выгоды и/или идеологического превосходства;
- применение сторонами специальных технологий, включающих разные каналы и средства информационного воздействия и информационной защиты (безопасности).

Исходя из этих признаков, **определим информационную войну как противоборство сторон, возникающее из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляемое путем целенаправленного информационного воздействия друг на друга с использованием специальных технологий для получения определенного преимущества в материальной и/или идеологической сфере и защиты собственной безопасности.**

Существуют различные типологии информационных войн (см., например [Цыганов, Бухарин 2007: 40–42; Брусницын 2001: 139]). Для наименования типов информационных войн используются термины, не соотнесенные между собой в теории войны: выделяют войны внешние (межгосударственные), внутренние (внутригосударственные), организационные, психоисторические, смысловые, концептуальные, метафизические, идеологические, гибридные, «холодные» и т.д. Их системное осмысление и построение общей типологии войн – задача отдельного междисциплинарного исследования.

В наиболее обобщенном виде выделяются два типа ин-

формационной войны (иногда называемой информационным противоборством или информационной борьбой), которые при их совмещении рассматриваются как ее составляющие: информационно-техническая война и война информационно-психологическая.

В информационно-технической войне воздействие осуществляется на системы связи и управления, компьютерные и телекоммуникационные системы, радиоэлектронные средства, средства защиты информации и другие информационно-технические системы; в информационно-психологической войне объектом воздействия является индивидуальное и массовое сознание [Панарин 2012: 57; Соколова 2007: 19; Почепцов 2000 в: 56; Смирнов 2013: 83 и др.].

Иногда информационную войну понимают только как войну техническую, полагая, что «распространенное ныне выражение **информационные войны** на самом деле – это не терминологическое, а метафорическое (не более!) словосочетание» [Горбаневский 2001: 5], размещение в СМИ компрометирующих материалов выводят за пределы понятия «информационная война» [Там же: 6].

Не останавливаясь на технической составляющей информационной войны, перейдем к ее информационно-психологической стороне. Для обозначения этой стороны противоборства иногда используют термины «психологическая война» или просто «информационная война», например:

- «...информационная война представляет собой ком-

плекс информационно-психологических воздействий, основной целью которых является формирование нужного общественного мнения и поведенческих установок населения в целом и его отдельных представителей» [Иванов 2013: 276];

- «психологическая война <...> – воздействие на общественное сознание таким образом, чтобы управлять людьми и заставить их действовать против своих интересов» [Лисичкин, Шелепин 2005: 37]; «...психологическая война – это совокупность различных форм, методов и средств воздействия на людей с целью изменения в желаемом направлении их психологических характеристик (взглядов, мнений, ценностных ориентаций, настроений, мотивов, установок, стереотипов поведения), а также групповых норм, массовых настроений, общественного сознания в целом» [Крысько 1999];

- в информационной (информационно-психологической) войне информационная борьба ведется враждующими сторонами в форме проведения тайных информационно-психологических операций с применением информационного оружия [Манойло. URL: <http://ict.informika.ru/ft/002468/manoylo.pdf>].

Информационно-психологическая война в узком понимании (как разновидность психологической войны) осмысливается как психологическое воздействие словом [Крысько 1999]. В определении информационно-психологической

войны многими исследователями не актуализируется использование языка как орудия ее ведения:

- «Информационно-психологическая война представляет собой комплекс мер, направленных на смену социальных ориентаций представителей определенной целевой группы» [Шевцов 2014: 81];

- «ИПсВ можно определить как масштабное применение средств и методов информационно-психологического воздействия в отношении населения страны, отдельных социальных групп или индивидов и защиту от аналогичных действий в свой адрес, осуществляемое государством или иным актором международной политики для обеспечения реализации своих интересов» [Смирнов 2013: 86];

- информационно-психологическая война «по своей сути представляет собой определенную методологию изменения картины мира противоположной стороны в заданном направлении» [Матвиенко 2008: 5];

- информационно-психологическая война обозначается иногда как «война культур» [Крашенинникова 2007], информационно-культурная война [Лобанова 2010], «смысловая война» [Почепцов 2015].

Не противореча приведенным выше определениям ИПВ, предложим общую формулировку этого понятия, учитывающую роль языка в психологическом воздействии: **информационно-психологическая война – это противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта ин-**

тересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия.

Релевантными признаками информационно-психологической войны являются:

- наличие конфликта интересов и возникающее на этой почве противоборство;
- информационное воздействие на сознание противника: народа, коллектива или отдельной личности;
- интенция подавления и/или подчинения: «Сегодня очевидно, что овладеть территорией врага легче всего таким путем: достаточно духовно обезоружить элиту, заставить ее отказаться от национальной системы ценностей в пользу политической идеологии противника, и элита превратится в «пятую колонну» в тылу собственного народа – начнет сокрушать национальные святыни, высмеивать национальных кумиров, восхищаясь всем иностранным и высокомерно третируя исконную отсталость. И народ будет духовно сломлен, морально подавлен и сокрушен, дезориентирован» [Мушта 2009: 40–41];
- использование знаков разных семиотических систем, прежде всего, естественного языка: «Информационная вой-

на – это прежде всего вербальная война <...>, война языковых знаков как война дискурсов» [Синельникова 2014: 96];
– наличие мер противодействия (противостояния, защиты).

Конфликт интересов и наличие противоборства сторон могут определяться также количественным критерием: «Анализ количественных данных позволяет легко отслеживать начало стратегических информационных операций. Главное, чтобы была правильно организована система слежения за информационной обстановкой», – говорит И. Николайчук, кандидат технических наук, сотрудник Центра оборонных исследований Российского института стратегических исследований. Далее он отмечает: «Журналисты любят кричать об информационной войне, зачастую принимая за неё чисто пиаровские вещи. Если появилось некоторое число критических публикаций, то это ещё не значит, что началась информационная война. Мы чаще оперируем понятием “стратегическая информационная операция”. Она может перерасти в информационную войну. Тогда происходит полная перестройка государственного механизма информационного противоборства.

Если число негативных публикаций за единицу времени превышает в пять раз число нейтральных, то мы начинаем рассматривать ситуацию как информационную войну. О позитивных вообще забудьте. Каждая позитивная публикация в зарубежной прессе в конечном итоге стоит больших денег.

С чего это вдруг одна страна начнёт хвалить другую? Если же число негативных публикаций меньше пяти, но больше двух, констатируем обстановку информационной напряжённости по отношению к России. Государства, в которых на одну негативную публикацию приходится одна или больше нейтральных, мы относим к числу нейтральных» (Литературная газета. 2014. № 1).

В ИПВ используются: психологические операции против войска и населения противника в ходе войны или в угрожаемый период; психологические операции, воздействующие на процесс целеполагания и выработку решений политическим и военным руководством страны в мирное и военное время; информационное противоборство в сфере истории; психологические операции в сфере культуры, воздействующие на менталитет, культуру и ценностно-нормативную систему общества; подрывные психологические операции, воздействующие на социальные связи и политическое поведение [Смирнов 2013: 93–94].

ИПВ изучается в разных аспектах (приведем далее в качестве примера по два-три источника на каждый аспект):

– психологическом [Сенявская 1999; Психология господства и подчинения 1998; Зелинский 2008б], – историко-политическом [Эйдук 2008; Беляев 2014; Воронцова, Фролов 2006], – политологическом [Бедрицкий 2007; Лисичкин, Шелепин 2005; Филоненко 2006], – социологическом [Чистяков 2007; Швец 2005], – философском [Керсновский

2010; Расторгуев 2003; Снесарев 2003], – правовом [Лопатин 2000; Изолитов 2008] и некоторых других. Такая множественность подходов в исследованиях ИПВ, объясняющая существование ее различных дефиниций, должна быть дополнена лингвистическим аспектом.

1.2. Лингвистика ИПВ: обоснование и определение понятия

Хотя исследователи отмечают, что «информационная война – это прежде всего вербальная война» [Синельникова 2014: 96], в современном языкознании оказываются исследованными лишь некоторые речевые стратегии и языковые средства политической коммуникации, которые могут использоваться в ИПВ. Между тем комплексная разработка лингвистического аспекта ИПВ чрезвычайно важна для совершенствования государственной политики противодействия информационно-психологической агрессии против России.

Анализ публикаций в СМИ позволяет заключить, что русский язык в наше время является не только средством создания текстов антироссийской информационно-психологической войны, но и мишенью в этой войне. Специально конструируемые на нем тексты применяются агрессорами для провоцирования конфликтов на территории России, искажения ее истории, духовно-нравственных ценностей, влияя на

общественное сознание. Используемые речевые технологии, приемы и средства негативного информационно-психологического воздействия и сопротивления ему должны стать объектом специального лингвистического исследования.

Полагаем, что можно говорить о **лингвистике информационно-психологической войны** как о таком **направлении современного языкознания**, объектом изучения которого является **специфика использования языка как средства ведения информационно-психологических войн**. Предметом лингвистики ИПВ являются речевые технологии (речевые стратегии, тактики, приемы и реализующие их языковые средства), мотивированные соответствующими целями ИПВ.

В основе методологии лингвистики ИПВ лежат концептуальные положения философии войны (в том числе философии информационной войны), психологии воздействия (включая теорию манипуляции общественным сознанием), теории коммуникации и таких лингвистических дисциплин, как прагмалингвистика, политическая лингвистика, нейролингвистика, этнолингвистика, медиалингвистика, гендерная лингвистика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, лингвоконфликтология. Лингвистика ИПВ использует совокупность традиционно сложившихся методик исследования речи и текста, включающую дискурс-анализ, контекстуальный анализ, интенциональный анализ, стилистический анализ, семантический анализ, дис-

трибутивный анализ, статистический анализ и некоторые другие методы.

Основной методологической проблемой для лингвистов, изучающих ИПВ, является создание системы критериев, позволяющих квалифицировать речевое произведение как информационно-психологическое оружие. Представляется, что анализ изолированного высказывания, фрагмента текста и даже целого текста часто не дает оснований для его квалификации как текста ИПВ. Например, чтобы приведенные ниже тексты, дающие негативную оценку тому или иному объекту, квалифицировать названным выше образом, необходимо их рассматривать в контексте дискурса автора или издания (а также других информационных каналов) в определенный период времени:

Холод измеряется в градусах, надежность строительства – доверием общества. Сегодня степень доверия такая: если наше правительство скажет, что весной на деревьях появятся зеленые листочки, – ему не поверят! И будут думать-гадать, какую еще каверзу оно замыслило! (Аргументы и факты. 2014. № 6); О. Митволь, безработный, экс-префект Северного округа Москвы: «Меня убрали непонятно за что. Я этим горжусь. Я горжусь тем, что за 6,5 лет моей госслужбы на меня нет компромата, никто ничего мне предъявить не может».

Нашли чем гордиться! В сложившейся системе отсутствие компромата на чиновника не достоинство, а недо-

статок. Хотите вернуться во власть – срочно что-нибудь соприйте! (Аргументы и факты. 2010. № 43).

Для исследования языка ИПВ недостаточно системы понятий, ставших более или менее употребительными в речеведении: *речевое воздействие, речевая стратегия, речевая тактика, речевой жанр, речевая агрессия, речевая манипуляция, языковая демагогия* и др. В лингвистических работах, посвященных языку ИПВ, используются, например, такие терминопонятия, как *информационно-психологическое противостояние; информационно-психологическое противоборство; информационно-психологическое воздействие; информационно-психологическое влияние; глобальные и локальные информационно-психологические войны; объект и субъект информационно-психологической войны; канал информационно-психологического обмена; информационно-психологические операции; информационное оружие; дискурсивное оружие; методы, приемы и инструментарий (языковые средства) информационно-психологического воздействия; актуализация стереотипов, символов; психологический контекст восприятия* и некоторые другие [Плотникова 2009, Тагильцева 2010, 2012, 2013; Рыжкина 2013; Фарина 2010 и др.]. Таким образом, происходит формирование специальной терминологии, обслуживающей лингвистику ИПВ как особое направление научных исследований.

Соотношение целого ряда терминов является дискуссионным, например таких: *информационно-психологическая*

война и информационно-психологическое противоборство, средства информационно-психологического воздействия и каналы информационно-психологического воздействия, объект информационно-психологической войны и мишень информационно-психологической войны. Поэтому создание системы базовых понятий лингвистики ИПВ и их терминологическое определение является одной из ее первоочередных задач.

Другая проблема, входящая в круг интересов рассматриваемого направления лингвистических исследований, связана с определением и разграничением субъектов, объектов и мишеней ИПВ. Одни исследователи к субъектам информационно-психологического воздействия относят информационные системы, прежде всего сознание людей [Тагильцева 2013: 133], другие – различные институты и спецслужбы государств [Авцинова 2011: 42], средства массовой информации, органы пропаганды международных организаций, негосударственные структуры (блогеры, хакеры, неструктурированные сетевые сообщества) и т. п. [Смирнов 2013: 87]. Полагаем, что термин «субъект ИПВ» целесообразно использовать как родовое обозначение понятий «инициатор ИПВ» и «актор ИПВ».

Наблюдения показывают, что понятия объекта и мишени ИПВ неравнозначны. Мы полагаем, что объектом такой войны логично считать сознание людей. В таком случае мишенями являются понятия и представления о связанных с

объектом сторонах действительности, которые подвергаются негативной оценке для оказания давления на объект. Так, в настоящее время мишенями ИПВ являются: властная вертикаль, Русская православная церковь, внешняя политика руководства страны, русский язык, русская литература и т.д. (см. [Сковородников, Королькова 2015]).

Выделяют три «уровня» (аспекта) ведения информационно-психологического противоборства: стратегический, оперативный и тактический. «В основном на стратегическом уровне информационного геополитического противоборства должны действовать высшие органы государственной власти России, а спецслужбы и крупный национальный капитал – на оперативном и тактическом уровнях» [Панарин 2012]. На каждом из названных уровней используются определенные реализующиеся в речи стратегии и тактики. Их систематизация и описание также входит в проблемное поле лингвистики ИПВ с предварительным уточнением самих понятий речевых стратегий и тактик применительно к информационно-психологической войне.

Иногда используется термин «организационная война» для обозначения проведения разного рода мероприятий, направленных на ослабление или уничтожение противника, разрушение его организационных структур. Следовательно, можно говорить об организационном уровне ведения ИПВ. Примером войны на таком уровне может служить снятие с эфира федерального канала «Россия-24» 38-го выпуска «Бе-

согона» Никиты Михалкова, которое стратегически объясняется стремлением не допустить в эфир неуютную руководство канала информацию, а тактически оправдывается нарушением корпоративной этики в случае демонстрации фильма: «В эфире каналов холдинга не допускается появление материалов, которые наши коллеги по телевизионному цеху могут расценить как недружественные и тем более – оскорбительные. По опыту 1990-х российское телевидение знает, как возникают и к чему приводят “эфирные войны”» [<http://lenta.ru/news/2015/12/14/besogon/>]. Другим примером организационной войны является широкое распространение так называемых «соросовских» учебников истории, суть которых заключалась в искажении истории России, направленном на изменение национального самосознания и в целом картины мира (подробнее об этом см., например, материал под названием «Уничтожение школы» в газете «Завтра» 2004 г., № 32).

Ощущается необходимость разработки методики выявления, анализа и типологизации языковых особенностей текстов ИПВ. Наблюдения над «манипулятивными играми в слова», занимающими важное место в информационной войне, содержатся, например, в книгах некоторых лингвистов: «Кто управляет Россией?» [Миронова 2010], «Игры в слова: манипулятивные операции в текстах СМИ» [Васильев 2013 б]. Однако не меньший интерес для лингвистов представляют публикации, которые, несмотря на то, что их авто-

ры не являются филологами, содержат отдельные наблюдения над языковыми особенностями ИПВ, например над креативными «находками» акторов войны: «Так, создано слово “фашизоидный” как гибрид понятий фашиста и шизофреника и помещено рядом со словом большевистский» [Там же: 154]. И.Н. Панарин пишет, что в конце XX века широкое распространение получил «метод семантического манипулирования», который состоит «в тщательном отборе слов, вызывающих либо позитивные, либо негативные ассоциации и таким образом влияющих на восприятие информации (наш человек – разведчик, их – шпион и т. д.)» [Панарин 2012]. Или вот, например, наблюдения над использованием языковых средств реализации стратегии компрометации В.И. Ленина: «Среди интеллигенции стало распространяться ироническое отношение к Ленину. В одном из отраслевых институтов был даже выработан эзопов язык, в котором В.И. Ленин обозначался термином “бородейка”, а партработники – термином “пузанок”, рядовые люди, верящие в Ленина, – термином “совки”. Кстати, последний со временем получил очень широкое распространение» [Лисичкин, Шелепин 2005: 174–175].

Немаловажным считаем выявление возможностей тропических, фигуральных и иных речевых приемов, используемых в ИПВ. Например, можно отметить широкое употребление приема трансформации прецедентного текста как способа искажения информации, например: *Социализм – это со-*

ветская власть плюс электрификация всей колючей проволоки (Твой Додыр. 2001. № 26). Ср. с высказыванием Ленина: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны, ибо без электрификации поднять промышленность невозможно» [Ленин 1970]. Полнота и разнообразие использования речевых приемов в ИПВ должны составить предмет отдельного исследования.

Интересно замечание Д.Н. Зеркалова, правда в ином аспекте, о роли языковых средств в формировании исторического сознания народа и в какой-то степени в противостоянии психологическому воздействию: «...если бы удалось вырвать из национального сознания память о Победе, то для народа России была бы уничтожена система “всех важнейших линий интерпретаций настоящего”. Более того, была бы уничтожена система координат для оценки реальности, то есть была бы рассыпана мировоззренческая матрица народа. Он был бы лишен языка (“Риторических средств выражения”). Кроме того, народ был бы лишен и общих художественных и эмоциональных средств общения внутри себя и с государством – он утратил бы язык “высоких коллективных чувств” и язык “лирической государственности”» [Зеркалов 2012: 489].

Исследователи выделяют приоритетные направления государственной политики России по противодействию информационно-психологическим атакам [Авцинова 2011: 46; Мушта 2009: 41; Панарин 2012]. Языковой аспект проблемы

противодействия такой войне должен входить в круг вопросов лингвистики ИПВ. Примером информационного противостояния и одновременно контрманипуляции может служить публикация в газете «Завтра», в которой доказывалось, что в слове «ватники», которое русофобы пытаются сделать символом отсталости, неполноценности русского народа, на самом деле нет ничего оскорбительного. Автор статьи пишет, что ватник – удобная и привычная русская одежда; в ватнике любил ходить император Александр Третий; войну с фашистами выиграли в ватниках; это «самая массовая и самая демократичная зимняя одежда в мире, спасающая от холода миллионы жизней»; в ватнике проходил лагерный срок А. Солженицын; в нем ходил нобелевский лауреат Иосиф Бродский, Борис Пастернак, Виктор Астафьев, Василий Шукшин. «Ватник на сегодня – это самая известная русская одежда. Ватник у миллионов людей символизирует не лентяев и лодырей, не пьяниц и воришек, а как раз наоборот – все самые героические деяния народа: период великихстроек, период великой войны, период восстановления, или же самые трагические периоды в жизни страны: лагерные репрессии, ссылки, тяжёлый труд. Так что ватник – это звучит гордо» (Завтра. 2015. № 21).

Специфика лингвистики ИПВ диктует необходимость обращения к разработкам многих дисциплин, таких как философия, психология, история и культурология. Большую значимость для лингвистики ИПВ имеют исследования смеж-

ных лингвистических дисциплин, например теории политической метафорики (см. [Баранов, Караулов 1994; Чудинов 2003; Чудинов 2013; Будаев, Чудинов 2008] и др.), поскольку метафора является одним из способов конструирования картины мира – одного из объектов психологического воздействия. Эти исследования дают богатый материал для аналитического осмысления и обобщений.

Взаимодействие лингвистики ИПВ с другими дисциплинами может составить содержание отдельной научной публикации, поэтому ограничимся приведением некоторых наблюдений журналистов над связью языка и культуры, языка и истории. Например, на высказывание Алексея Цветкова, начинающееся словами «Обрекая себя на русскую духовность...», журналист реагирует таким образом: «И не так уж важно, чем завершает живущий в Праге А. Цветков свой пассаж. Неприятно уколола фальшь в начале фразы. <...> Искажается изначальный смысл творчества и самой культуры, поскольку обречать можно лишь на бездуховность» (Литературная газета. 2013. № 14). Другой пример связан с оценкой стратегии «очернения» истории страны: «К сожалению, в России ее великое прошлое “всячески топтали в 90-е годы. И до сего дня этим занимаются такие телеподмастерья, как Н. Сванидзе, Л. Млечин и их единомышленники среди историков, деятелей культуры и политики, прикрываясь «восстановлением исторической правды»» (Завтра. 2013. № 51). Такую ситуацию в исторической науке профессор Санкт-

Петербургского государственного университета В.С. Брачев объясняет, приводя высказывание профессора И.Я. Фроянова: «...совершенно понятно, чем им всем не угодила наша классическая историческая наука. Она им просто как кость в горле, потому что историческая наука формирует национальное самосознание. Известно, что знание истории делает человека гражданином» (Литературная газета. 2011. № 5).

Сказанное свидетельствует о высокой степени актуальности лингвистики ИПВ, поскольку эта война разворачивается в настоящее время в России, и именно лингвисты способны помочь государству и обществу противостоять ей.

1.3. Ключевые понятия и термины лингвистики ИПВ

Поскольку мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые считают информационную войну, а следовательно и ИПВ, «наиболее острой формой информационного противоборства», направленной на нанесение вреда противнику [Воронцова, Фролов, 2006: 66] (см. также, например, [Некляев 2008]), информационно-психологическая война была определена нами выше как противоборство сторон (государств, партий, корпораций и т.д.), которое возникает из-за конфликта интересов и осуществляется путем намеренного информационного воздействия на сознание противника для его когнитивного подавления и/или под-

чинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия. В этом определении обозначены возможные **субъекты ИПВ**. Есть два типа субъектов ИПВ: **субъект-1** – инициирующий ИПВ (**инициатор**); **субъект-2** – противостоящий инициатору ИПВ. Причем нападающая и обороняющаяся стороны в процессе ИПВ могут меняться местами.

Целеполагание субъекта информационно-психологической войны – это всегда стремление достичь комплекса положительных для себя результатов – политических, экономических, социальных и/или идеологических – за счет нанесения ущерба противоположной стороне.

Предлагаются типологии субъектов информационной войны. Так, типология, предложенная А.В. Манойло, А.И. Петренко и Д.Б. Фроловым, учитывает следующие виды субъектов информационного влияния: государства, их союзы и коалиции; межгосударственные организации; негосударственные незаконные вооружённые формирования и организации террористической, экстремистской, радикальной политической или религиозной направленности; транснациональные корпорации; виртуальные социальные сообщества; медиакорпорации; виртуальные коалиции [Манойло 2003: 281; Манойло и др. 2004].

Непосредственного исполнителя, выступающего на одной из сторон информационно-психологической войны, называют **акто-ром**. Им может быть как отдельное лицо (напри-

мер, автор текста), так и группа людей, коллектив (например, редакция газеты). Представляется важным подчеркнуть, что инициатор и актор могут совпадать в одном субъекте, а могут и не совпадать в случае, если инициатор (например, определенная компания, учреждение, политическая партия, правящий класс какого-либо государства) является заказчиком, а непосредственным исполнителем (актором – коллективным или индивидуальным) – конкретное лицо или орган СМИ.

Объектом ИПВ, с нашей точки зрения, является сознание (психическое состояние) народа в целом или какой-либо целевой группы (социальной, конфессиональной, профессиональной и т.д.), а также сознание какого-либо индивида (более редкий случай). В связи с глобализационными процессами, происходящими в современном мире, объектом ИПВ часто становится сознание всего человечества или его значительной части.

Необходимо дифференцировать понятия **объекта** и **мишени**, поскольку, как нам представляется, объект ИПВ – это сознание тех или того, на кого направлено речевое воздействие с целью его изменения, а **мишень** – понятия и представления о связанных с объектом сторонах действительности, которые подвергаются негативной оценке. Причем в мишени может быть выделено ядро (или болевая точка), на которое направлен основной удар субъекта ИПВ. Так, например, для дискредитации Русской православной церкви в глазах российского народа, и прежде всего верующих, мишенью

может стать и становится образ Патриарха Кирилла; для дискредитации властной вертикали Российского государства в глазах нашего и других народов – образ Президента В.В. Путина, правящей партии, внешней политики страны и т.д.

В теории войны используется понятие **стратегии**: «Стратегия <...> должна поставить военным действиям в целом такую цель, которая соответствовала бы смыслу войны. Она составляет план войны и связывает с поставленной военным действиям целью ряд тех действий, которые должны привести к ее достижению; иначе говоря она намечает проекты отдельных кампаний и дает в них установку отдельным боям» [Клаузевиц 2007]. В лингвистике ИПВ, наряду с понятием стратегий и тактик (их определения см. в главе 3), может оказаться полезным понятие **информационно-психологической операции**, под которым понимают «...весь комплекс мероприятий, направленных на достижение военно-политических целей информационно-психологическими средствами» [Караяни, Сыромятников 2006: 242]. Таким образом, операция является частью комплексной стратегии воздействия [Операции... 2015: 394], а способ практического осуществления операции можно называть **методом**.

Психологическое воздействие как «преднамеренное и целенаправленное вмешательство в процессы психического отражения действительности» [Белянин 2009: 363] осуществляется по определенным каналам.

Каналы распространения (подачи) информации в

лингвистике ИПВ целесообразно понимать как «технологические системы производства и распространения сообщений, к которым относятся радио, телевидение, пресса, интернет, а также мобильная связь...» [Семкин 2015: 34].

Под **информационно-психологическим оружием** понимают «совокупность средств, избирательно влияющих на психическую деятельность людей с целью задания ей необходимых характеристик, целенаправленного управления человеческим поведением, а также управляющих качественно-количественным состоянием информационного ресурса противника в интересах успешного решения боевых задач» [Ефремов и др., 2000: 65]. Таким оружием считаем высказывания и тексты любого жанра, в основу организации которых положены стратегия и тактики дискредитации какой-либо мишени (мишеней). По сути информационно-психологическое оружие – это и есть «средства ведения психологических операций» (в понимании [Операции... 2015: 378]). С.Н. Плотниковой в научный оборот введен термин «дискурсивное оружие» [Плотникова 2009], который органично вписывается в систему терминопонятий лингвистики ИПВ.

Названные выше термины интегрируются понятием **технологии ИПВ**, под которой мы понимаем систему последовательно применяемых субъектами войны способов информационно-психологического воздействия (операций, методов, приемов), в результате чего достигается планируемый

результат.

Глава 2. Научные основания лингвистики ИВП

2.1. Философские основания лингвистики ИПВ

Один из постулатов философии науки гласит, что «в любой области знания должна быть собственная сфера оснований, ставящая своей целью не расширение или применение знаний, а их обоснование, шлифовку, повышение строгости доказательств...» [Ушаков 2005: 17]. Представляется логичным начать рассуждения с философских оснований как наиболее общих, так как именно философия задает науке мировоззренческий и методологический базис, необходимый для исследовательской деятельности, выступая тем самым предпосылкой любого научного исследования, создавая необходимый для него концептуальный фон, проясняя основания и содержание научного знания [там же: 17–19].

Специалисты в области методологии утверждают, что, в отличие от простого описания изучаемых явлений и процессов, наука строит идеальные их модели, позволяющие адекватно описывать тот или иной объект или явление действительности. Модель представляет собой «аналог познаваемо-

го объекта, заменяющий его в процессе познания» (Ю.М. Лотман, цит. по кн. [Лосев 1982: 224]). Говоря о модели ИПВ, мы имеем в виду систему понятий (категорий, идей), составляющих суть этого явления, его основное когнитивное содержание. Построению такой модели и способствует философия, которая дает науке понятийную, или категориальную, поддержку, а также обеспечивает ее определенными содержательными представлениями, исходными тезисами. «Если в культуре не сложилась категориальная система, соответствующая новому типу объектов, то последние будут воспроизводиться через неадекватную систему категорий, что не позволяет раскрыть их сущностные характеристики», – пишет В.П. Кохановский [Кохановский 1999: 198].

В литературе по проблемам философии информационных войн исследователь ИПВ может почерпнуть целый ряд базовых понятий, например: информационное воздействие, информационное оружие, стратегии информационной войны, информационная угроза, информационная мишень, информационное общество, информационная операция, информационная безопасность, оператика, стратегия, тактика, принципы ведения войны, глобализация, фальсификация истории, историческое сознание, историческая память, общественное сознание, мифы, символы, идеология, идеологическое прикрытие, философия войны, философия информационной войны, модель информационной войны [Керсновский 2010; Расторгуев 2003; Лисичкин, Шелепин 2003 и др.].

Говоря далее о философских работах, под философами мы понимаем не только профессионалов в этой области, но и известных мыслителей вообще, в том числе выдающихся общественных и религиозных деятелей, писателей, учёных и т.д. Так, применительно к России следует иметь в виду, что русская философская мысль выражается часто не только в собственно философских работах, но и в художественных и публицистических текстах. Выдающийся русский философ XX века А.Ф. Лосев пишет об этом так: «Среди русских очень мало философов *par excellence*: они есть, они гениальны, но зачастую их приходится искать среди фельетонистов, литературных критиков и теоретиков отдельных партий. В связи с этой “живостью” русской философской мысли находится тот факт, что художественная литература является кладезем самобытной русской философии. В прозаических сочинениях Жуковского и Гоголя, в творениях Тютчева, Фета, Льва Толстого, Достоевского, Максима Горького часто разрабатываются основные философские проблемы, само собой в их специфически русской, исключительно практической, ориентированной на жизнь форме» [Лосев 1991: 213–214]. С этим тезисом А.Ф. Лосева соотносятся мысли, высказанные А.А. Брудным, который пишет о разных типах философствования, в том числе об американской философии успеха, имеющей прикладной характер (см. об этом [Брудный 1998: 276]).

Осмысление многих философских проблем (познания че-

ловека и смысла его существования, отношений человека и мира, бытия человека в «мире людей» и др.) в преломлении к событиям, связанным с информационно-психологическими войнами, находим в наблюдениях людей, являющихся представителями самых различных профессий и публично выражающих свою позицию в СМИ. Приведем некоторые наблюдения.

▪ **О цели информационно-психологической войны:** «цель идеологической войны: заменить русское культурное ядро России (русский менталитет) на западное (западный менталитет), “протащив при этом Россию через катастрофу”», «речь идет о смене менталитета, или, в другой терминологии, социокультурного кода» (Наш современник. 1993. № 2), поэтому особую важность приобретает формирование, прежде всего у молодого поколения, «духовно-культурной матрицы», включающей в том числе «культурные, нравственные, эстетические и этические нормы, национальный подход к пониманию прекрасного» (Взгляд. Деловая газета 22.04.2014. URL: <http://vz.ru/politics/2014/4/22/683423.html>).

▪ **О роли смыслов и ценностей в информационно-психологической защите:** «Прежде, чем говорить об обороне, надо сказать о смыслах и ценностях. В послании президента Федеральному собранию от 12.12.12 были обозначены наши смыслы и ценности. Дан диагноз: в России произошла демографическая и ценностная катастрофы. Ка-

кие ценности обозначены президентом? Это национальная и духовная идентичность, ответственность перед будущим. Это работа, творчество и компетентность. Это справедливость и нравственность. Слова очень хороши, а дальше нужны дела» (Завтра. 2014. № 9).

■ **О необходимости избавиться от комплекса национальной неполноценности:** «Комплекс неполноценности некоторых русских перед Западной Европой шокирует меня, я знаю, что это совершенно неоправданно, и мне трудно это понять.

Я вижу этот комплекс основным препятствием развития страны. России мешает навязчивое желание подражать западной модели, не только брать у Запада то, что может быть полезно, но и развивать уникальную и индивидуальную русскую систему существования.

Московский “креативный класс” должен перестать мечтать о глобальной европеизации России, забыть о своей неполноценности и признать, что Запад давно уже не является моделью», – говорит француз А. Латс (Литературная газета. 2013. № 43).

■ **О необходимости консенсуса:** «Когда сегодня говорят об информационной войне, обычно подразумевают, что началась обработка российского населения в нужном тем или иным элитам той или иной страны направлении. Основная драма любой стратегической информационной операции, однако, развёртывается внутри той страны, которая её

проводит. Любое изменение политики сопровождается изменением содержания того, что правящие слои говорят своему населению. Чтобы делать что-то вне страны, элиты сначала должны прийти к консенсусу и осуществить подготовку своего народа, объяснить ему, что хорошо и что плохо» (Литературная газета. 2014. № 1).

▪ **О важности стратегического понимания информационной войны:** «В этой ситуации содержательная дискуссия может быть лишь второстепенным инструментом, подтверждающим серьезность и обоснованность позиции государства, но сводить всю информационную политику лишь к содержательным возражениям – значит заранее обрекать себя на поражение и, затем, гибель: это стратегическая оборона.

Российское государство должно исходить в своих действиях из понимания того, что речь идет не об ущемлении его интересов, а о самом его существовании» (Завтра. 2014. № 30); «...Долгосрочную государственную стратегию невозможно построить только лишь на основании реагирования на уже появившиеся угрозы. <...> Не всегда власть умеет перед лицом общества обосновать необходимость превентивных мер на различные неявные угрозы, – и это может стать проблемой для всей нации» [<http://vizantarm.am/page.php?304> (дата обращения: 29.04.2017)].

▪ **О внешних и внутренних информационных войнах:** «Я вовсе не хочу сказать, что всё, что происходит с на-

шим языком, дело рук заокеанских “заговорщиков”. Мы всё творим сами, в том-то и дело», – говорит Владислав Смирнов (Литературная газета. 2014. № 14). Егор Холмогоров более определенно пишет: «Публично оскорблять и унижать наш народ, заявлять о том, что русской кухни не существует, культуру создали иностранцы, у соотечественников, живущих за границей, нет права говорить на родном языке, – нет сомнений, что журналистское сообщество, подпитываемое такими принципами и уверовавшее в корпоративную броню, будет отвечать предательским брюзжанием на любое усиление патриотической повестки Кремля. А если мощь вертикали хоть немного ослабнет – охотно нанесет удар в спину Путину. “Пятая колонна” – понятие в данном случае отнюдь не фигуральное» (Культура. 2015. № 44).

■ **О необходимости выработки государственной информационной политики:** «Осмысленная доктрина государственной информационной политики отсутствует. В России до сих пор не выработаны четко очерченные цели национального телерадиовещания.

Существующие государственные и “общественные” телерадиокомпании с возложенными на них государством и обществом функциями не справляются. От популяризации новых консолидирующих идей, традиционных общественно значимых ценностей и духовно-нравственных идеалов в государственном теле- и радиоэфире, оплаченном за счет рядовых налогоплательщиков, произошло сползание к факти-

ческой пропаганде деятельности нескольких политических кланов, финансовых групп, а также интересов отдельных личностей. Единое информационное пространство страны разрушено, заметная его часть контролируется иностранным информационным капиталом. Информационная безопасность России серьезно подорвана.

Собор выражает крайнюю озабоченность сложившейся ситуацией, считая ее критической и взрывоопасной, составляющей реальную угрозу национальному самосознанию русского народа, его языку и культуре. Необходимо ввести в официальную практику принцип национального протекционизма в информационной политике России» (из «Резолюции IV Всемирного Русского Народного Собора (Москва, 5–7 мая 1997 г.) о необходимости безотлагательной выработки государственной информационной политики» // Русь Державная. 1997. № 5 (37)).

Таким образом, философия применительно к ИПВ намечает основные признаки этого сложного социального явления, дает ориентиры для исследования его психологического и лингвистического аспектов. Еще большее отношение к лингвистике ИПВ имеет **философия войны**.

По мнению ученых, осмысление войны в философском аспекте было осуществлено не так давно. А.А. Скворцов отмечает, что «специальная научная философия войны родилась только в конце XVIII в.» и что пришла она из военно-теоретической мысли и мемуаров. В частности, он пи-

шет, что выражение «философия войны» впервые появляется в книге «Военные и политические мемуары» (1801) Генри Ллойда [Скворцов 2015].

До 1914 г. «не было связи между общей наукой и наукой военной», и только после войны 1914–1918 гг., отмечает Н.Н. Головин, даже наиболее пацифистски настроенные ученые начали понимать необходимость изучения войны [Головин 1995: 131]. В России образ войны в философском аспекте осмысливается в курсе лекций А.Е. Снесарева «Философия войны», написанном в 1919 г., но впервые изданном в Военной академии Генерального штаба ВС РФ только в 2002 г. [URL: <http://a-e-snesarev.ru/danilenko2.html> (дата обращения: 10.03.2016)]. В этом труде А.Е. Снесарева отражена позиция «человека, имевшего представление о теории войны как философском явлении, освещавшемся в трудах ученых, и в то же время человека, принимавшего в войне самое непосредственное участие» [Коротун 2015: 40].

Философией войны А.Е. Снесарев называет «научно переработанное (или проще обнаученное) военное мирозерцание», понимаемое как совокупность философских выводов относительно войны и всего с ней связанного [http://www.snesarev.ru/Philosophy_of_war.pdf]. Основной задачей философии войны как науки (именно науки), по его мнению, является «понимание и углубление в существо войны прежде всего, а затем в основные науки и понятия, из существа войны вытекающие» [Там же].

Понимание философии войны исторически менялось: если в начале XIX в. в соответствии с немецкой военно-стратегической мыслью философия войны определялась «как учение о месте, причинах и роли боевых действий в обществе и истории, как наука о взаимоотношении войны и остальных сфер общественной жизни»; то к началу XX в. она осмысливается как «поиск метафизических, социальных, антропологических оснований воинственности как таковой и пути ее устранения либо перевода в иное, более мирное русло, чем боевые действия» [Скворцов 2015]. В работах современных авторов философией войны называют теорию войны (в аспекте философии) как «целостно-мировоззренческое теоретическое освоение современных проблем диалектики войны и мира, как мировоззренческое и методологическое основание военной науки» [Отюцкий 2010: 76]; «теоретическую концепцию войны», «обоснование методов и способов ведения войны» [Печенкин 2015].

На основе осмысления изученной литературы по философии выделим основные положения (постулаты) этой науки и кратко охарактеризуем их в преломлении к лингвистике ИПВ как направления научных исследований, связанного с изучением языка и речевых технологий информационно-психологического противоборства.

1. Постулат о многоаспектности философии войны. Война должна рассматриваться с многих точек зрения: «с исторической, нравственной, государственной,

экономической» [Снесарев. URL: http://www.snesarev.ru/Philosophy_of_war.pdf]; в философии войны выделяются различные аспекты: онтология войны, гносеология войны, диалектика войны, аксиология войны, антропология войны, война через призму социальной философии и др. [Отюцкий 2010].

Этот ряд различных аспектов философии войны, в том числе информационно-психологической, должен быть дополнен аспектом лингвистическим. Тем более что рассуждения о языке ИПВ можно встретить в работах некоторых философов (например, в [Самохвалова 2011]).

Следует говорить также о многоаспектности самой лингвистики ИПВ, что подразумевает изучение языка ИПВ в аспектах:

- тактико-стратегическом (исследование речевых стратегий и тактик, используемых в ИПВ);
- функциональном (исследование речевых сфер функционирования текстов ИПВ и их жанровой принадлежности);
- элокутивном (изучение речевых средств, в том числе тропов и фигур, используемых в текстах ИПВ);
- со стороны специфики речевого воздействия на различные мишени в соответствии с их природой;
- в отношении особенностей речевого поведения акторов войны (партий, корпораций, стран и т.п.).

2. Постулат о войне как форме коллективной агрессии. Война рассматривается как насилие, совершаемое

большими массами людей и отличающееся следующими признаками:

а) концептуальность военной политики: наличие идеологии, концепции подготовки (включая определение стратегий, тактик) и реализации намеченного (признаки, характерные и для ИПВ);

б) вооруженный характер борьбы (в ИПВ в качестве оружия выступают тексты: вербальные, невербальные и креализованные);

в) протяженность во времени и неоднократность агрессивных действий, операций: «Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени» [Клаузевиц 2007] (длительностью отличалась холодная война против СССР, которая привела к его распаду, и сегодняшняя война против России началась не вчера);

г) большое количество жертв: «...Боевые действия всегда связаны с неисчислимыми страданиями, разрушениями и жертвами. Если же их нет, если все снаряды летят впустую, а выстрелы гремят в воздух, то мы наблюдаем учения, акции устрашения, – все что угодно, но только не войну. В нее вооруженное столкновение перерастет лишь тогда, когда число погибших превышает одну тысячу за год. Если же их меньше, то мы имеем дело с вооруженным конфликтом. Именно количество жертв отличает войну от иных организованных форм насилия» [Скворцов 2015] (жертвами ИПВ также может оказаться, и, как правило, оказывается, большое коли-

чество людей);

д) наличие не только наступающей стороны, но и обороняющейся: «военные действия проявляются в 2 формах – наступлении и обороне» [Клаuzeвиц 2007] (отсюда большое внимание в ИПВ уделяется необходимости защиты; оборонительный характер носит информационная политика, осуществляемая в России).

Исходя из вышесказанного, лингвистом в процессе анализа дискурса ИПВ должны учитываться:

- целевая и тактико-стратегическая составляющая;
- публичный характер текста (адресованность широкой аудитории);
- множественность текстов определенной направленности в тот или иной период времени, их связь между собой;
- наличие речевых приемов, направленных на формирование нужного общественного сознания;
- реакция жертв нападения в виде ответных речевых действий. Названные признаки могут быть положены в основу системы квалификации речевых произведений как текстов ИПВ.

3. Постулат о связи между войной и политикой. «Война есть продолжение политики, только иными средствами», – писал К. Клаuzeвиц в работе «О войне» [Клаuzeвиц 2007]. Эта мысль прослеживается в целом ряде современных работ, например: «Война есть организованная политическая борьба за свое благосостояние и могущество» [Скворцов

2015]; «В принципе все войны носят идеологический характер в том смысле, что каждая из вовлеченных в нее сторон посягает на образ жизни и систему ценностей своего противника. В то же время война, будучи соперничеством за власть и влияние во всех их формах и проявлениях, – политический акт» [Гаджиев 2004: 239]. Политические по сути цели преследуют и т.н. «новые войны», связанные с притязанием на власть на основе этнической или религиозной идентичности и использующие криминальные системы ее финансирования [Калдор 2015].

Рассмотрение ИПВ в политическом аспекте помогает понять причины выбора противниками России основных мишеней нападения. Становится понятным: сегодняшнее наступление на православие объясняется тем, что оно является ценностным ядром русской культуры, которую пытаются заменить культурой и менталитетом, свойственными западной цивилизации. «Причины, по которым главной мишенью “передовых” (то есть господствующих) сил всего мира стало православие, кажется, уже ясны. Во-первых, православие осталось единственным ортодоксальным носителем принципа блаженства нищих духом – господствующий новолберальный дух эпохи, напротив, утверждает, что у бедных, неприспособленных и неприкаянных нет алиби – они достойны своей участи. <...> Во-вторых, православие – единственная сила, обещающая новую интеграцию поверженного третьего Рима или, в новой лексике, проигравшего хо-

лодную войну “второго мира”. Победители заинтересованы в раздробленности побежденных и потому не только всячески поощряют новые этносуверенитеты в пространстве бывшего второго мира и в постсоветском пространстве, но и все то, что благоприятствует эрозии православия как держателя духовного единства в восточно-христианской цивилизации» [Панарин 2002: 219–220].

Постулат о связи войны с политикой способствует рассмотрению общих вопросов философии войны в рамках политической философии (см. учебные пособия по этой дисциплине, в которых выделяется раздел, посвященный философии войны, например, [Василенко 2010; Гаджиев 2004]). Политическая философия помогает лингвисту осмыслить такие понятия теории ИПВ, как *актор войны, мишень воздействия, информационно-психологическое оружие, агент влияния, авторитаризм, тоталитаризм, вождизм, идеология, деидеологизация, либерализм, нация, общественное сознание, патриотизм, политическая символика, пятая колонна, холодная война, экстремизм* и т.д.

4. Постулат о метафизическом оправдании войны. В философских работах прослеживается мысль о вреде пацифистских настроений. В частности, в книге А.А. Керсновского «Философия войны» читаем: «...если мы хотим предохранить государственный организм от патологического явления, именуемого войною, – мы не станем заражать его пацифистскими идеями. Если мы желаем, чтобы наш орга-

низм сопротивлялся болезненным возбудителям – нам надо не ослаблять его – в надежде, что микробы, растроганные нашей беззащитностью, посовестятся напасть на ослабленный организм, – а, наоборот, сколь можно более укреплять его» [Керсновский 1939].

Идея о том, что избежать войны нельзя, прослеживается в работе А.Г. Дугина «Философия войны»: «Отказ от войны, бегство от войны, неготовность к войне свидетельствуют о глубоком вырождении нации, о потере ею сплоченности и жизненной, упругой силы. Тот, кто не готов сражаться и умирать, не может по-настоящему жить. <...> Не случайно так почитаем православными Святой Георгий, воин за Веру, заступник за православный люд, спаситель еще земного, но уже православного (т.е. уже ставшего на небесные пути) царства» [Дугин 2004б: 121]. Аналогичные мысли о неизбежности войны высказывали и другие русские философы (см., например, [Трубецкой 1994: 269; Бердяев 1990: 155]). Таким образом, философия утверждает необходимость оборонительной войны. Такую войну называют также войной справедливой [Шмитт 2008; Walzer 2015 и др.].

Возникает вопрос о том, ради чего приходится воевать, т.е. вопрос «этики войны»: «Весь вопрос в том, отстаиваются ли в войне какие-нибудь ценности, более высокие, чем человеческое благополучие, чем покой и удовлетворенность современного поколения? <...> Ценность чести, национальной и личной, выше благополучия и покойного удовлетворения.

Достижения жизни исторической, решения мировых задач выше достижений жизни замкнуто-эгоистической, личной и семейной. Без такого сознания не может быть закала народного характера. Если в народе побеждают интересы покойно-удовлетворенной жизни современного поколения, то такой народ не может уже иметь истории, не в силах выполнить никакой миссии в мире» [Бердяев 1990: 161]; «...великая война должна иметь и творческие исторические задачи, должна что-то изменить в мире к лучшему, к более ценному бытию» [Там же: 168].

Этот пафос войны в ее информационно-психологическом аспекте выражается в средствах высокого стиля. Тем более что «...победить в информационной войне может та страна, которая выстроит в информационном пространстве и предложит своим гражданам яркий символический проект национальной идеи – систему национальных приоритетов, идей и традиций, которые для большинства окажутся более значимыми, чем любые информационные воздействия и соблазны извне» [Василенко 2010: 163].

5. Постулат о коллективной ответственности в войне. Н.А. Бердяев пишет: «Мы все так или иначе участвуем в войне. Уже тем, что я принимаю государство, принимаю национальность, чувствую всенародную круговую поруку, хочу победы русским, я – участвую в войне и несу за нее ответственность» [Бердяев 1990: 156]. Лингвисты не могут быть безучастными к ведущейся ИПВ и должны изучать ее язы-

ковые и речевые особенности, прежде всего, для обеспечения информационной безопасности общества и государства.

Между тем россияне, особенно интеллигенты, в относительно мирное время, когда нет «горячей» войны, склонны не столько поддерживать свое государство, сколько его критиковать. Философия заметила, что «национальная самокритика» и «национальное самоосуждение» составляют несомненную черту русского народа.

«Нет народа, который до такой степени любил бы ругать себя, изобличать себя, смеяться над собой» [Вышеславцев 2003: 628]. Однако эта черта, полезная в период национального благополучия, оборачивается несомненным злом в период национального кризиса и геополитических угроз, которые сейчас переживает Россия. Так, несвоевременная национальная самокритика может обернуться национальной безответственностью, что мы и наблюдаем сейчас со стороны тех, кто по сути дела способствует противникам России в ведении против нее ИПВ.

Проблема коллективной ответственности в противодействии ведущейся против России ИПВ особенно остро стоит в отношении интеллигенции и, в частности, экспертного сообщества. Современная социальная философия отмечает, что в отношении политики глобализации «должен действовать общий принцип, касающийся современных технологий: чем выше их мощь и соответственно опасность их деструктивного использования, тем более надежных и всеобъемлю-

щих форм экспертизы и контроля они требуют. Гуманистическая экспертиза и надежный демократический контроль – вот тот ответ, которого требует нынешний вызов глобальной власти» [Панарин 2007: 602].

6. Постулат о разграничении и взаимодействии военной науки и военного искусства: «Рациональная, вещественная часть военного дела – достояние военной науки. Иррациональная, духовная – достояние военного искусства. <...> Наука сливается с искусством лишь в натурах гениальных» [Керсновский 1939]. Причем «военное искусство, подобно всякому искусству, национально, так как отражает духовное творчество народа» [Там же].

Для ведения войны необходимы элементарные знания о стратегиях и тактиках боевых операций. В работах по философии войны представлено описание некоторых стратегий ИПВ, предполагающих лингвистический компонент, таких как: дискредитация основных атрибутов общественного устройства; пропаганда новой системы ценностей; раскол населения на враждующие группы; маскировка образа актора как бескорыстного «спасителя» страны от язв и пороков прежнего режима; построение мифов и другие [Василенко 2010: 159; Зиновьев 2006: 449–450; Самохвалова 2011]. Отмечается, что «...СМИ концентрируют внимание на скандальных фактах, обнародывают конфиденциальные сведения из личной жизни публичных политиков, ведут скандальные “расследования”, сознательно фальсифицируя инфор-

мацию, смакуя “пикантные” подробности. Задача состоит в том, чтобы активизировать подкорковые механизмы человека, включив механизм манипулирования чувствами и эмоциями людей, что является основой управления психологией толпы» [Василенко 2010: 159].

Менее изученным оказывается вопрос о военном искусстве. Ценным является такое наблюдение: «Чтобы оперировать большой темой, нужно оперировать не столько логикой, сколько нервом ситуации, не доступным привычной логике. Он складывается из чего-то такого, что каждый понимает и чувствует, но не может внятно объяснить. <...> Именно по этой причине невозможно просчитать, например, исход военного сражения. Его нужно чувствовать. Кто чувствует нерв ситуации и умеет им оперировать, тот гений» [Проект Россия 2009: 386]. На ИПВ высказанная мысль может быть экстраполирована как способность участников этой войны учитывать ситуацию и чувствовать противника, видеть его сильные и слабые места. Лингвист, занимающийся исследованием ИПВ, должен уметь выделять типичные ситуации этой войны, ее стратегии, тактики и определяемые ими речевые средства.

7. Постулат о ценностном основании войны и взаимосвязи физической войны и войны духовной. Изучение лингвистики ИПВ невозможно без обращения к языковому выражению общенациональных ценностей, которые в первую очередь становятся мишенями войны. Это объяс-

няется тем, что «именно ценностные ориентиры обеспечивают единство и устойчивость данной социальной общности, определяют смыслы человеческой жизнедеятельности и незримо, “изнутри” управляют динамикой и развитием социума. Ценностные установки формируют и определяют отношение между мыслью (сознанием) и действительностью (бытием), обеспечивая гомеостатическое состояние общества, уровень консолидации и согласия его граждан» [Толстых 2012: 151].

Любая война, в том числе война за территорию, экономические преимущества, в философии рассматривается как духовное противостояние нравственных мотивов, ценностей, взглядов, идей и т.д.; подчеркивается, что физические войны на земле начинаются с борьбы в сфере духа и сопровождаются этой борьбой. Н.А. Бердяев писал: «Физическое насилие, завершающееся убийством, не есть что-то само по себе существующее, как самостоятельная реальность, – оно есть знак духовного насилия, совершившегося в духовной действительности зла. Природа войны, как материального насилия, чисто рефлексивная, знаковая, симптоматическая, не самостоятельная. Война не есть источник зла, а лишь рефлекс на зло, знак существования внутреннего зла и болезни. Природа войны – символическая» [Бердяев 1990: 152–153].

Названный выше постулат помогает осмыслить понятие мишени ИПВ. «Российское общество уникально по набо-

ру ключевых ценностей, его идентичность не может подвергаться сомнению. Жизненные ценности-мотиваторы россиян и есть смысловое и психоэмоциональное ядро национальной идентичности» [Национальная идея России 2012а: 482]. Именно эти ценности являются мишенями воздействия текстов ИПВ.

Лингвистический аспект изучения ИПВ подразумевает описание выраженных языковыми средствами символов, мифов, идеологем, симулякров, а также ключевых слов, фразеологии, метафор этой войны. Отдельные наблюдения над «вбросом в политический дискурс идей и концепций» [Василенко 2010: 157] представлены в работах по философии ИПВ: «Достаточно ярким примером последних лет является вброс в политический дискурс таких идей и концепций, как “столкновение цивилизаций” и “борьба с терроризмом”, которые послужили основой для последующего программирования операций в Югославии, Афганистане и Ираке» [Там же].

Одной из стратегий ИПВ является «стратегия формирования будущего» [Кара-Мурза 2013: 257]. Различные нации предъявляют свое видение будущего, возникает «конкурс общемировых проектов лучшего будущего» [Панарин 2007: 582], и эти проекты имеют свои понятийные системы, в которых одни и те же слова-понятия получают разное наполнение и разные оценочные коннотации, позволяющие манипулировать этими понятиями. Лингвистика ИПВ должна

предъявить обществу объективную картину манипулирования геополитическими терминами.

8. Постулат о важности иррационального воздействия на противника. В информационном наступлении и информационной обороне важно сочетать рациональное (логическое) с иррациональным (эмоциональным) началом. Отсюда необходимость разработки, как в обороне, так и в наступлении, технологий двух типов [Василенко 2010: 154]. Иррациональный компонент войны связан непосредственно с настроением народных масс, с их эмоциональной сферой. Чтобы мобилизовать весь народ (а не только армию) на войну, особенно отечественную, нужно овладеть его иррациональной сферой. Отсюда значимость категории экспрессивности в текстах ИПВ, выраженной при помощи различных средств языка (экспрессивной лексики и фразеологии, стилистических фигур и т.д.).

Постулат о важности иррациональной составляющей в войне отражает тесную связь философии войны с психологией воздействия. Исследователи все больше говорят о том, что войны по своему содержанию становятся психологическими явлениями, поскольку психологическое оружие все больше направлено на моральный дух народа и армии [Караяни, Зинченко 2007]. Психологические основания лингвистики ИПВ – предмет отдельного рассмотрения.

9. Постулат о необходимости учета возрастного, гендерного и социального факторов в войне. ИПВ ве-

дется с учетом целевой аудитории, причем молодежь «гораздо более восприимчивое поколение, чем люди среднего и старшего возраста, сформировавшиеся в культуре письменного текста» [Василенко 2010: 154]. Более того, молодежь – это своего рода стратегический резерв, который как политически наиболее активная часть общества может быть задействован в будущем в нужный актору войны момент. К современному молодому поколению можно отнести такую сентенцию: «Большинство людей находится в состоянии интеллектуального младенчества, у них нет “интеллектуальных зубов”». Не имея чем жевать, младенцы отказываются от твердой пищи, самостоятельного мышления. Питаясь готовыми истинами, они идут за чужой морковкой» [Проект Россия 2009: 385–386]. Лингвисты, изучающие ИПВ совместно с историками, культурологами и представителями других гуманитарных дисциплин, призваны снабдить молодое поколение «интеллектуальными зубами», прежде всего, путем предъявления системы ключевых терминов ИПВ и описания речевой технологии ведения этой войны.

Примером использования гендерного фактора может служить пропаганда, направленная на привлечение женщин к участию в войне (создание женских батальонов в Первую мировую войну, женских стрелковых формирований и женских авиационных полков в Великую Отечественную войну), а также использование образов Родины-матери и т.п. Н.В. Багичева пишет, что «по характеру русский народ ближе к

“женской природе” и относится к своей стране, Родине, как к матери» [Багичева 2008: 33].

Если говорить о социальном факторе, то острее ИПВ направлено прежде всего на элиту, поскольку она организует общество и создает «главную информацию, на которой растет наше сознание и подсознание» [Проект Россия 2009: 27]. В связи с этим очень важным моментом является подчинение средств информации противника: именно «контроль информации позволяет формировать массовое мировоззрение и генеральное направление. Не важно, какие вы постройте заводы и пароходы, на кого они будут оформлены и кому будут принадлежать фактически. Если один строит материальные объекты, а другой – сознание строителей, через пару-тройку поколений все будет принадлежать тому, кто построит сознание» [Там же: 52].

Социальный фактор в ИПВ состоит также в том, что, как правило, побеждает тот, кто владеет публичным дискурсом, медиаресурсами. Излагая точку зрения французского философа Б.-А. Леви, С.П. Староверов пишет: «Именно Властитель владеет языком, он всегда им владел и всегда будет владеть. Возникает ситуация, когда субъект не имеет собственного языка, он всегда говорит языком Властителя. Властитель – это тот, кто, используя язык в качестве структуры, упорядочивает и, в конечном счете, унифицирует действительность. Язык как власть оказывается во владении Властителя, и язык становится властью Властителя» [Староверов 1997:

10. Постулат о готовности к войне: «Правило ведения войны заключается в том, чтобы не полагаться на то, что противник не придет, а полагаться на то, с чем я могу его встретить; не полагаться на то, что он не нападет, а полагаться на то, что я сделаю нападение на себя невозможным для него» [Сунь-Цзы. URL: <http://masters.donntu.org/2014/fknt/kebikov/library/article9.pdf>]. Это означает, что в концепции информационной безопасности государства важно предусмотреть проведение лингвистических исследований текстов ИПВ – с целью описания речевой технологии ведения этой войны и предъявления широкой общественности концепции формирования контрманипулятивной речевой компетенции.

Сформулированные выше философские постулаты должны лечь в основание лингвистики ИПВ, разработка которой обязывает языковедов с патриотическим сознанием не отворачиваться от этой проблематики, ибо «будучи брошенными в мир земной, мы помимо нашей воли мобилизованы на фронт. Этот факт мы должны принять» [Дугин 2004б: 113].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.